

Владычица небесная:

— Мир божественный, дивный, покой и отрада. Кто не позавидует райской жизни? Но ты посмела нарушить небесные законы, забросила труд и соблазнила Ткачиху, всколыхнув её смертное сердце.

Ткачиха:

— В тот день, гуляя в лазурных высях, я встретила Пастуха среди облаков. Это я уговорила его спуститься в мир людей... Умоляю, владычица, отзови свой указ о его изгнании.

Пастух:

— Это я встретил Ткачиху в небесах и убедил её спуститься, чтобы она соткала для нас парчу.

Ткачиха:

— Пусть вина лежит на мне, я приму любое наказание...

Пастух:

— Не наказывай её, накажи меня!

Ли Куэр ела сладости и смотрела представление. Когда от приторного вкуса стало дурно, она спохватилась, что её мучает жажда. Она взглянула на Сяо Цюй и А Чу, которые потягивали вино, словно заправские гуляки. Ли Куэр обвела взглядом длинный стол — чайник на их столе забыли поставить, хотя везде они были. Представление дошло лишь до сцены, где Ткачиха томится в пустых покоях, впереди ещё добрая половина пьесы, а во рту от сладостей всё пересохло. Арбуз помогал лишь на миг, а пить вино Ли Куэр не хотелось. Она решила сходить на кухню за чаем, а если не будет чая, то хоть воды попить.

— А Ляо, пойдём на кухню, чаю принесём...

А Ляо съела не так много сладостей, зато наелась арбуза, так что пить ей совсем не хотелось. К тому же ей куда важнее было досмотреть спектакль: такая возможность выпадает нечасто, ведь раньше, чтобы попасть на выступление труппы Хуалин, ей приходилось долго копить деньги.

Пока А Ляо колебалась, Сяо Цюй подалась вперёд и с готовностью отозвалась:

— Пойдём, я с тобой схожу.

Ли Куэр почувствовала неладное — выражение лица у Сяо Цюй было какое-то хитрое. Сяо Цюй вскочила и потянула её за рукав, торопя:

— Пошли скорее, пошли! — При этом она смотрела вовсе не на подругу, а куда-то в сторону.

Ли Куэр проследила за её взглядом. В самом конце крытой галереи, у воды, чинно сидел молодой человек. На вид — ровесник им, одет не броско, но лицо приметное: густые брови, звёздные глаза, свежий взгляд.

Ли Куэр хлопнула себя по лбу. Вот оно что, вот зачем Сяо Цюй вызвалась...

Они прошли по галерее: впереди Ли Куэр, следом Сяо Цюй. Как только они поравнялись с молодым человеком, Сяо Цюй остановилась. Правда, заговорила она не с ним, а с женщиной, сидевшей рядом. Все звали её тётушка Фан. Она поставляла благовония трём княгиням и держала на улице Динтай небольшую лавку, где торговала всякими женскими мелочами. Женщина была проницательная и деловая, знала в поместье всех женщин и их невесток, с каждой могла перекинуться парой слов. Ли Куэр знала, что румяна, которыми пользуется Сяо Цюй, куплены именно в лавке у тётушки Фан.

Сяо Цюй была не промах — сразу смекнула, что парень пришёл с тётушкой Фан, и начала действовать через неё, причём весьма естественно:

— Ой, тётушка Фан!

— Батюшки, это вы, Сяо Цюй и Куэр? Что же, так рано уходите?

— Нет, Куэр хочет чаю, она стеснительная, вот я и провожаю её, — соврала Сяо Цюй, а затем тут же отвернулась, пожертвовав подругой: — Куэр, иди, я здесь тебя подожду.

Ли Куэр улыбалась, но в душе уже несколько раз ущипнула Сяо Цюй. Ну как так можно?!

— Тогда... я пойду, до встречи.

— Ага, возвращайся быстрее, — Сяо Цюй сделала ударение на слове «быстрее» и спросила тётушку Фан: — А вы как здесь оказались?

— Ох, пришла сегодня доставить пудру госпоже Цин, она рассказала мне об этом празднике, вот я и поспешила домой, забрать младшего брата.

— Это ваш младший брат?

— Он самый. Несколько дней назад стал учеником у лекаря Мао...

Дальше Ли Куэр не слышала. Сяо Цюй успешно завязала знакомство с парнем и велела ей не задерживаться. Ли Куэр пошла вдоль берега к кухне. Дорога была уставлена фонарями — они не только слепили глаза, но и источали жар; в такую погоду даже ночной ветер казался тёплым.

Путь к кухне лежал мимо сцены. Она была высокой, вровень с домом. Ли Куэр задрала голову: Ткачиха ткала облака и пела. Вокруг неё клубился белый туман — неясно, какой механизм они использовали, но выглядело всё так, словно она и правда на небесах, в призрачной дымке. Сквозь туман Ли Куэр наконец разглядела лицо актрисы — это была прима труппы Хуалин, Чэн Сяшу. Красивая, с врождённым даром играть главные роли и чудесным голосом — настоящий

подарок небес. Засмотревшись и заслушавшись, Ли Куэр невольно зашагала, оступилась, наступила на что-то круглое и едва не растянулась на земле. Она в испуге пришла в себя. Все вокруг смотрели на сцену, но она боялась, что кто-нибудь заметит её неловкость. Она взглянула под ноги — там лежала пустая раковина улитки размером с кулак трёхлетнего ребёнка.

Поняв, в чём причина, Ли Куэр поспешно скрылась. Сначала нужно было раздобыть воды. Бежав, она гадала, сколько людей видело её падение. Вспоминая раковину, она недоумевала: ведь днём она сама здесь подметала, как могла не заметить такую крупную вещь посреди дороги? А если её принёс кто-то из гостей, то раковина должна была быть с отломанным кончиком, а не целой. Она обернулась — раковина всё ещё лежала там, и внутри неё мерцал слабый голубоватый фосфорический свет... Погодите, светилась? Ли Куэр протёрла глаза, но в свете фонарей сияние казалось не таким уж отчётливым. Она не была уверена и возвращаться не хотела, поэтому, отбросив сомнения, пошла на кухню.

На кухне дежурила тётушка Е. Она была доброй женщиной и всегда относилась к Ли Куэр уважительно, в отличие от тётушки Чжан, которая вечно помыкала служанками. Узнав, зачем та пришла, тётушка Е разрешила ей налить кипячёной воды, а сама занялась завариванием чая.

Ли Куэр залпом выпила две чашки прохладной воды и наконец почувствовала облегчение. Глядя на огромный котёл на плите, она подумала, что хорошо бы здесь была Хэ Вэйжань — можно было бы позвать её на спектакль. Ведь увидеть игру Чэн Сяшу — такая удача!

Подумав об этом, Ли Куэр решила зайти к Хэ Вэйжань. Если та ещё не спит, она непременно вытащит её посмотреть представление.

Тётушка Е заварила чай и дала Ли Куэр поднос, чтобы та не обожглась. Поблагодарив её, Ли Куэр с подносом направилась к комнате Хэ Вэйжань. Здесь, вдали от озера, было гораздо темнее, лишь под крышами висели редкие фонари. Ли Куэр шла, ориентируясь на отдалённый свет; к счастью, она прекрасно знала дорогу по поместью.

В комнате Хэ Вэйжань горела свеча, разливая тусклый желтоватый свет. Ли Куэр подошла, поставила поднос на галерею и постучала.

— Сестрица Хэ, ты здесь?

Изнутри слышалась возня, и вскоре Хэ Вэйжань открыла дверь. Она была в ночной сорочке, накинув сверху халат, и держала в руках книгу. Вероятно, читала в постели. Ли Куэр мельком взглянула на книгу — там были рисунки и текст, но в темноте ничего не разобрать, лишь на картинке виднелось какое-то незнакомое растение.

— Я читаю «Записки о дикой природе». Ну что, Куэр, зачем ты меня искала? — улыбаясь, спросила Хэ Вэйжань, опираясь на дверной косяк.

— О, в переднем дворе показывают «Пастуха и Ткачиху». Это лучшая труппа в нашем городке, я хотела пригласить тебя посмотреть.

— Спектакль... — Хэ Вэйжань замялась.

Ли Куэр, видя её колебания, поспешила добавить:

— Если ты устала и не хочешь, ничего страшного, это я поздно пришла.

— Нет, я пойду, — неожиданно согласилась Хэ Вэйжань. — Подожди немного, я переоденусь.

Когда Хэ Вэйжань вышла, они вместе направились на передний двор. Когда они вернулись к сцене, четвёртое действие «Томление в пустых покоях» уже закончилось, шло пятое — «Ткачиха достойна лишь Пастуха».

Хэ Вэйжань посмотрела на сцену и сказала:

— И правда, отличная труппа, и костюмы, и декорации — всё так изысканно.

Ли Куэр в это время опустила голову, выискивая ту самую раковину, чтобы не наступить на неё снова, но её нигде не было. Странно. Она подумала, что кто-то, должно быть, отбросил её в сторону, и перестала гадать. Она подняла голову, чтобы ответить Хэ Вэйжань, и заметила, что актрису, игравшую Ткачиху, заменили. Кто это был — неизвестно, но точно не Чэн Сяшу.

Ли Куэр удивилась: почему замена в последний момент? Что-то случилось? В недоумении она услышала за занавесом сцены приглушённый, но полный тревоги мужской голос:

— Ох, предки мои, что же с тобой стряслось?

<http://bllate.org/book/19134/1879221>